
ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Н. Л. Пушкарёва

СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ (X—XX вв.): ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО И ЭТАКРАТИЧЕСКОГО ГЕНДЕРНЫХ ПОРЯДКОВ

Историю частной жизни русских женщин за 10 веков (с конца X столетия, когда было создано Древнерусское государство, и до XXI в.), а в рамках ее — историю эволюции ее сексуального компонента очень трудно изложить в коротком тексте. Эта тема привлекла меня много лет назад, задолго до современного дискурса сексуальной либерализации. Подробные результаты исследований, опирающихся на конкретные источники, изложены в моих книгах «Женщины Древней Руси» (1989) [26], «Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница» (1997) [27], изданных на русском языке, а также (отчасти) в появившейся в США, а затем в Англии монографии «Women in Russian History from the 10th to the 20th Century» (1997, 1999) [59, 60]. Скрупулезное внимание к фактам, анализ которых читатель найдет в этих книгах, и позволяет мне, как я полагаю, предложить вниманию коллег то *общее* понимание сложных и противоречивых социальных и ментальных процессов, которые конструировали и детерминировали статус женщин различных страт, а также отношение к их частной жизни и сексуальности со стороны современников.

Методологической основой для меня является социально-детерминистский подход, который признает социокультурное производство норм социального (в том числе сексуального) поведения и позволяет переместить сексуальность¹ из природного и физиологического мира в мир культуры и общества [61]. Он предполагает также сравнительное рассмотрение вариантов норм сексуального поведения в семье и вне ее для представительниц разных социальных страт, признание изменчивости этих моделей, наличие властного компонента — как в семейных отношениях, так и в сексуальных взаимодействиях. Напомню, что в рамках эссенциалистской традиции сексуальность рассматривалась как природный феномен, подлежащий регулированию (а в модернистской традиции — раскрепощению). Для меня же, как сторонницы социального детерминизма, главным является вопрос о

© Пушкарёва Н. Л., 2008

Исследование поддержано РГНФ (грант № 07-01-90100а/Б) и Программой Президиума РАН «Русская культура в мировой истории».

¹ Под сексуальностью в данном тексте разумеется часть гендерной идентичности, охватывающая сексуальные характеристики (ориентацию, предпочтения и т. п.) и сексуальное поведение (см.: [8]).

сексуальных значениях, которые придавались мужской и женской сексуальности в разные времена и в разных культурах, а также о *способах*, которыми эти значения воспроизводились в различных контекстах — этнических, конфессиональных, классовых (социально-стратификационных) (подробнее см.: [43, с. 125]). Таким образом, сексуальность женщины исследуется мной как социально воспроизводимая, а сексуальное поведение женщин — как создававшееся во взаимодействии, предписывавшееся и оценивавшееся социумом в целом и отдельными его группами.

Я предлагаю представить русскую женскую историю как последовательную смену устойчивых поло-гендерных порядков, систем или укладов², характерных для древности, средневековья, преиндустриального, индустриального и советского периодов в русской истории, и показать изменения в отношении к частной жизни женщин и их сексуальности.

Первый этап: рождение православного гендерного порядка и его влияние на нормы сексуального поведения в Древней и Средневековой Руси (X—XV вв.)

Наши представления о частной жизни людей в Древней Руси, государственность в которой возникла в конце IX в., ее содержании и изменениях основаны на свидетельствах летописей и первых правовых кодексов, на данных церковно-правовых источников и церковной дидактической литературы. Все эти памятники создавались авторами-мужчинами, а потому фиксировали прежде всего мужской социальный опыт и мужскую систему ценностей, делая женщин не столько «невидимыми», сколько «незначимыми», незамечаемыми. Крещение Руси в 988 г. призвано было превратить православную церковь в главного регулятора всей семейно-брачной и сексуальной жизни древних руссов. И хотя утверждение православного гендерного порядка шло очень медленно (вплоть до конца XV в. в повседневной жизни можно обнаружить свидетельства сохранения языческих ритуалов), все же церковь постепенно добила желаемого и стала монопольным регулятором всех социальных отношений, связанных с взаимодействием между полами.

Следствием победы к концу XV в. православного гендерного порядка явилось укрепление в идеологии того времени системы взглядов, принижающих женщину и роль «женского», ставящих его в положение вторичного и малозначимого по сравнению с «мужским». Если в публичной сфере такие взгляды на «женское» обосновывали отсутствие женщин среди тех, кто мог быть занят в делах управления или вести церковную службу, то в сфере частной (сфере повседневности) выражались в запретах, дистанцировавших «женское» от «нормального». Запретов таких была масса — от менструальных и родильных табу (исключавших посещение женщинами

² *Гендерный порядок* (gender order) — публичный порядок социальных взаимодействий между полами, организованных по формальным и неформальным правилам. Рамки социального взаимодействия, в которых осуществляется производство и воспроизводство гендера, определяются как *гендерный уклад* (gender arrangement) (подробнее см.: [38, с. 91]).

храма в дни месячных и 40 дней после родов) до вербальных инвектив о женской греховности [27].

Интерпретация женского тела как «сосуда греха», будучи противопоставлением некой «мужской непорочности», отчуждала женщину от легальных каналов духовности [41, с. 33] и вела в конечном счете к обеднению ее духовной жизни (женщине, особенно в дни месячных, не давали в руки церковных книг, если, конечно, она не была монахиней). В известном смысле признание триединства Отца, Сына и Святого Духа — подразумевая значимость мужского единства — было попыткой христиан, в том числе православных руссов, исключить «женское» как животворящую силу [53].

С категоричностью, не известной католикам и тем более протестантам, православные руссы оставили в средневековых дидактических текстах лишь две модели женских образов: грешной Евы, «ответственной» за грехопадение Человека (мужчины!), и святой Марии — воплощения святого материнства без греха и порока. Ни в одном православном агиографическом тексте не восхвалялась активная жизненная позиция женщины. Образцом для подражания выступали лишь жены и матери русских правителей, славившиеся самоотверженностью, терпением, жертвенностью (преп. Евфросинья Полоцкая, Евфросинья Суздальская, св. Иулиания Лазаревская и др.) [45]. Два «полюса», две ипостаси женщины диктовали отражение в источниках того времени только двух типов сексуальных сценариев³, то есть образцов сексуального поведения, адекватных культуре и адаптированных к конкретным условиям. Как бы ни была на самом деле богата частная (и сексуальная) жизнь женщин данного периода, современный историк имеет в распоряжении отражение лишь этих двух типов поведения. Такая категоричность вела к тому, что духовная составляющая частной жизни древнерусской женщины искусственно ограничивалась, а активность — репрессировалась.

Двойной стандарт в отношении разных сторон повседневной, в том числе интимной, жизни мужчин и женщин быстро стал нормой. Главными субъектами всех социальных процессов изображались представители «первого» и «главного» пола. Своеобразие же духовных и физических потребностей женщин того времени — невосстановимо, так как нет письменных источников, женское авторство которых было бы убедительно доказуемым. Все, что мы знаем о частной жизни женщины в Древней Руси X—XV вв., — это свидетельства мужского восприятия, точнее, *неприятия* всего, что выходило за рамки созданных церковнослужителями правил и норм.

Второй этап: утверждение и развитие православного гендерного порядка в России раннего Нового времени (конец XV—XVII в.)

Чем более утверждался в России православный гендерный порядок — тем более очевидной становилась тенденция к регулированию женской

³ Сексуальные сценарии обычно рассматриваются на двух уровнях — ментальном (рефлексия по поводу сексуальной жизни) и интраперсональном (уровне социальных взаимодействий). Подробнее о сценариях и возможностях их анализа см.: [57, p. 14].

сексуальности, выступавшая как стремление к ее подавлению⁴. Нормы «правильной» частной жизни практически исключали сексуальную составляющую, а для женщины — в особенности. В отличие от культуры Юга Европы, сексуальность и телесность в «высокой» культуре России XV—XVII вв. так и не заняли своего места в системе ценностей, определив тем самым и категории морали, и стандарты гендерных отношений в повседневности.

Официальная (церковная) мораль того времени прямо возвеличивала «вне-плотское» зачатие и рождение (этот мужской идеал продуцирования детей идеальным способом, «из головы»), противопоставляя их естественно возможным формам производства человека на свет (плотским и связанным с женщиной)⁵. Таким образом, обычная женщина легко превращалась в «осквернительницу идеала», а потому оказывалась отнесенной к категории если не «злых жен», то уж точно женщин небезгрешных. Одновременно церковным дидактикам удавалось навязать женщинам мотив страдания как единственно возможного пути искупления за их «грехи». Восхваляя же Богородицу, забеременевшую без коитуса, православные дидактики доказывали тем самым возможность абстрагироваться от женской сексуальности, не размышлять о ее содержании и физиологических потребностях женщин.

Бинарность, антиномичность мышления средневековых дидактиков особенно отчетливы при анализе текстов именно XV—XVII вв. Каждая женщина предстает в них либо блудницей, либо девственницей, либо «производящей матерью», либо невестой Христовой. Именно тогда складываются в России и основные черты репрессивной сексуальной морали: запреты изображений нагого женского тела, прилюдных обнажений и разговоров на сексуальные темы [28], требование отдельных опочивален и даже «половин» для мужа и жены (что могло быть исполнено только высшим сословием). XVI—XVII вв. в русской истории — эпоха господства так называемого теремного затворничества: традиции, согласно которой женщины из высшего общества должны были содержаться в специальных помещениях, теремах, редко и только с позволения мужчин показываясь на глаза слугам или гостям [32, с. 214—215]. Безразличие к личным духовным и иным запросам женской личности, которую попросту запирали, как в тюрьме, в ее покоях, отношение к женщинам как потенциальному «товару», который необходимо сохранить для будущего обмена (торга) между мужчинами двух фамилий,

⁴ Отмечу здесь, что с точки зрения французского сюрреалиста Жана Батая, создавшего в 1920-е гг. свою теорию «сексуально-деструктивного происхождения искусства», в большинстве архаических культур тема сексуального насилия подавляла тему сексуального наслаждения, поэтому и русские культурные и конфессиональные запреты, связанные с женщиной и «женским», предстают в общем ряду таких культур, а не выпадающими из европейской культурной парадигмы (см.: [1, с. 60]).

⁵ Разумеется, это не было следствием именно русской православной традиции. Во множестве культур древности и средневековья мужчины старались обосновать свое «право на рождение», что воплотилось в мифах о рождении Афины из головы Зевса, сотворении Евы из ребра Адама и др. (см.: [54]).

коррелировало с укреплением русской культуры как культуры патриархатного типа. Не случайно и образ Спасителя был в России мужским образом, диктующим прихожанкам русских церквей идею поисков защиты от всех невзгод у мужчины, обучая умению внимать мужским потребностям и слышать требования «мужа и повелителя» (в то время как католики искали спасения у женщины, у Девы Марии).

К концу XVI в. окончательно складывается национальный русский женский костюм, скрывавший очертания тела, прятавший волосы (символ сексуальности) под платки и шапки. Тогда же в России формируется и женский «анти-идеал» (который восстановим по иконографии XVII в.): большегрудой соблазнительницы с длинными вьющимися волосами и крупным ртом, которая летит — на иконах, изображающих Страшный суд, — вверх тормашками прямо в Ад [33].

В те же два столетия (XVI—XVII вв.) очевидным становится и расхождение между официальной (православной) моралью, предписывавшей постоянное воздержание, и моралью повседневной (бытовой). Если от более раннего времени до нас практически не дошли известия о нормах последней, то источники XVI—XVII вв. с трудом, но позволяют реконструировать ее черты. В бытовой морали России этого периода не могли поддерживаться идеи теремного затворничества женщин, которые участвовали в повседневном трудовом процессе наравне с мужчинами. Центральной темой народной сексуальной культуры с ее откровенным натурализмом было обеспечение здорового воспроизводства; сексуальная функция и мужчин, и женщин была тесно увязана с репродуктивной.

В рамках народной культуры произошло окончательное разобщение телесности и духовности. Следствием его стало, во-первых, развитие изощренного сквернословия (всячески осуждаемого церковью), которое по своему принижало роль «женского» в сексуальных отношениях. Во-вторых, церковные запреты вкупе с народным натурализмом обусловили отсутствие высокой эротической лексики, которой могли бы пользоваться влюбленные. Такие слова, как «ласкать» (с сексуальным смыслом), «нежить», «нежность» возникли в русском языке не ранее XVII в., а «влюбленность» — лишь в XIX в.

И в то же время, несмотря на экспансию православного гендерного порядка, в русской народной культуре существовала тенденция к восхвалению сильной и умелой женщины (которая в дохристианской древнерусской мифологии была еще и воительницей), способной в каких-то вопросах главенствовать в семье. Русские эротические пословицы и поговорки (их первые записи сделаны в XVII в.) также могут быть свидетельством латентного восхищения такими героинями, бывшими и в сексуальных делах не только притягательными, но и активными⁶. В отличие от Западной Европы, где в течение нескольких веков женское тело и сексуальность подвергались экзекуциям [55], в православной России (по всей видимости, в связи с ее географическими размерами) ее идеологам так и не удалось развернуть

⁶ «Хороший жернов всё мелёт, а худая жена и на х.. дремлет», «Хорошая жена х... потешается, а м..... забавляется» и др. [47, с. 115].

общегосударственных кампаний против ведьм и колдуний. Именно к ним в деревнях (а нередко и в городах) женщины шли за помощью в любовных делах, прося привораживающих и/или контрацептивных зелий, настаивая на абортах. Запрещая женскую магию (нелегитимные знания женщин в области контрацепции), православные дидактики старались установить контроль за деторождением и регулировать последнее исходя из интересов государства, а не отдельных женщин.

Постулаты православной морали, предписывавшие женщине быть тихой и покорной (в том числе и в постели), обращаться за советом если не к отцу и мужу, то тогда уж к мужчине-священнику, выступают в свете сохранения культуры женского знахарства безуспешной попыткой русских церковников нейтрализовать женское лидерство и женскую активность в брачно-семейных, в том числе сексуальных делах.

Третий этап: вестернизация образа жизни и умонастроений дворян в православной России; прединдустриальный период (XVIII — первая половина XIX в.)

Активное взаимодействие России с Западом, инициированное Петром Первым (1689—1725), сильно повлияло на русские этнокультурные стереотипы, в том числе в сфере частной и сексуальной жизни. «Теремная система» (затворничество дворянок) рухнула. Вместе с ростом уровня образованности женщин из высших слоев общества менялась и степень их участия в публичной жизни. Часть общества воспринимала изменения в образе жизни россиянок, сказавшиеся даже на их одежде (они стали следовать европейской моде), как разложение нравов (кн. Михаил Щербатов). Другая часть видела в европеизации немало хорошего; и действительно, медленное развитие индивидуализации было необходимой предпосылкой сексуального (как и иного) плюрализма и терпимости.

Европеизация принесла в Россию резкую секуляризацию общественного сознания. Одновременно с ростом всевластия бюрократического абсолютистского государства ширилось и осознание высшим, образованным сословием ценности «частного» — частной сферы, частной жизни. Порожденная этим осознанием культура «писания себя», интереса к автобиографическому и мемуарному творчеству оказалась воспринята не только мужчинами, но и женщинами. И если от более раннего времени до нас не дошло ни одного автобиографического женского текста, то век XVIII сохранил их несколько десятков. Одной из типических для того времени черт всех этих «женских текстов» было полное отсутствие в них сексуализированного или эротизированного дискурса [30], величайшая сдержанность в изображении любовных отношений⁷. Это резко отличает русские автобиографические женские тексты XVIII века эпохи от западноевропейских. Классическое определение викторианского дискурса М. Фуко — «табу, несуществование, молчание» (см.: [56, р. 5]) — точно

⁷ О путях анализа умолчаний в женских нарративах (в том числе исторических) см.: [50].

характеризует и репрезентацию сексуальной темы в первых русских женских текстах [7, с. 105; 10, с. 25].

Парадоксально, однако же, что именно эти тексты открыли «шлюзы» мощным потокам личностного, индивидуального (хотя и не обнаженно-раскованного) женского восприятия мира. Именно они породили и русскую женскую прозу, всего лишь за век не только ставшую на ноги, но и заставившую заговорить о проблеме женской личности в эпоху бурного обсуждения «женского вопроса», то есть в 1860-е гг. Именно россиянки — проще и естественнее, чем их современники-мужчины, отягощенные чинами и должностями, — первыми завели речь о том, что их окружало в повседневности, в семье, в кругу близких. Тем самым они выговаривали подчас потаенное, сокровенное, приватное. Собственный семейный быт был для них главной «сферой обитания», и потому оставленные ими тексты способствовали (прямо или косвенно) переоценке ценностей в пользу частной сферы жизни человека, на что в полной мере решились лишь последующие столетия [51, р. 147].

Рубеж XVIII и XIX вв. может рассматриваться в русской гендерной истории как период, в который начала создаваться автономность отдельных гендерных субкультур. Эрозию традиционной бинарности, равно как начало формирования большей терпимости и плюрализма в отношении гендерных ролей, можно заметить в это время в появлении новых типов женских личностей, позиционировавших себя как мужчин и, тем не менее, принимавшихся социумом (среди них — например — «кавалерист-девица» Надежда Дурова, участница войны с Наполеоном, заслужившая боевые награды).

Появление необычных женских личностей, как и усиление саморефлексии, стремительное развитие самостоятельного «женского письма» в начале XIX в., все более активное включение женщин в публичную сферу жизни (хотя бы как благотворительниц, меценаток, создательниц литературно-художественных салонов, а в годы войн — как организаторов и участниц всевозможных патриотических обществ) способствовали возникновению в России женского движения, которое окончательно оформилось к середине XIX в. (в 1858 г. в России была создана первая самостоятельная женская организация).

Четвертый этап: патриархатный гендерный порядок индустриальной России второй половины XIX — начала XX в.; общественные обсуждения «полового вопроса» и «открытие» женской сексуальности

В центре внимания сторонников женской эмансипации были в России XIX в. прежде всего социальные проблемы, поэтому и вопрос об отношениях между полами⁸ рассматривался тогда прежде всего в социальном ракурсе — как вопрос о праве женщин на труд, на образование, несколько позже стал дискутироваться вопрос об их праве участвовать в местном управлении. Именно в контексте освобождения от «ига семьи» рассматривалась тогда тема

⁸ Первые употребления словосочетания «половой вопрос» см.: [21, 46].

гражданских браков и изменения брачного законодательства в интересах женщин [44]. Свою — и очень значительную — роль в расшатывании постулатов православно-патриархатного гендерного порядка в отношении интимной сферы женской жизни и женской сексуальности сыграла тогда художественная литература и публицистика. До поры до времени «большая литература» дистанцировалась от этих тем и вплоть до второй половины XIX в ни в коей мере не учила «науке страсти нежной», что и отличало ее от литературы европейской [58].

Однако вместе с именами Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого («Крейцера соната») в русскую литературу, а с ней и в общественный дискурс ворвалась тема женской страсти и «инфернальной» (Достоевский), роковой, сексуально-притягательной женщины, которую писатели-мужчины, взяв на себя роль судей, наблюдали и изучали. Но и время женского «безъязычия», молчания уже ушло. В тени «великих мастеров слова», откликнувшихся на злободневную тему, на литературной арене возникли фигуры Апполинаруи Сусловой и Марии Башкирцевой — первых русских писательниц, решившихся заговорить о женской сексуальности [13] и поражавших современников решимостью обсуждать ранее запретное, равно как своей внутренней самодостаточностью, граничащей с нарциссизмом⁹.

Эпоха модернизма в русской культуре (1890—1910-е гг.) вывела тип «роковой женщины» на уровень литературно-культурного топоса. Тема сексуальности стала одной из основных в литературном и культурно-философском дискурсе [2], однако в России она приняла обличье не «влечения» (как это было на Западе), а символического желания-любви к недостижимому любовному объекту (как то поэта А. Блока к своей Прекрасной Даме — Любви Менделеевой-Блок, с которой у поэта не было физиологической близости). Главная фигура этого нового дискурса — женщина, лишённая традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности. Основные коллизии романов, написанных в то время женщинами-писательницами, вертелись вокруг дилеммы героинь между «любовью-зависимостью» и свободой и независимостью [5, 22].

Серебряный век сыграл важную роль в развитии русской сексуально-эротической культуры, способствуя росту толерантности к тому, что не так давно именовалось перверсиями¹⁰. За несколько десятилетий по проблемам любви и сексуальности было написано больше, чем за несколько веков до того. Однако русские философы (и разделявшие их идеи некоторые женщины, например, З. Гиппиус)¹¹ связали эти проблемы не столько с вопросами

⁹ Предельным выражением такой позиции сексуально самодостаточной, талантливой и признанной женщины является Апполинурия Сулова, превратившая Ф. Достоевского в *брошенного любовника*, а находившегося под обаянием его творчества В. Розанова в *брошенного мужа* (см.: [12]).

¹⁰ В русском «Энциклопедическом словаре» 1896 г. лесбийские сексуальные практики были названы перверсивными и ненатуральными (см.: [52]).

¹¹ З. Гиппиус была одной из adeptок теории «неоплатонической любви» (просветленной и возвышенной чувственности), сторонницей идей «богочеловечности» и «духовно-телесности» любви (см.: [9]).

индивидуальности и индивидуального удовольствия и даже не с темой продолжения рода, сколько с этикой, эстетикой, постижением божественного. В итоге их теоретические построения о высокой женской духовности в любовных отношениях привели к рецепции представительницами высшего сословия в России «модифицированных викторианских принципов — как раз в то время, когда Запад выступил против них» [48, с. 15]. С русской женственностью стали ассоциировать такие характеристики, как желание приносить себя в жертву, страдание, самоотдача, терпение.

С другой стороны, за тему сексуальности на рубеже XIX—XX вв. взялись юристы и публицисты, которые также мало интересовались вопросами развития нормальной сексуальности и сексуального удовольствия. Они проблематизировали темы всевозможных социальных девиаций — сексуального насилия, «торговли женским телом», порнографии, детоубийства и криминальных абортов. Тема нормальной женской сексуальности ими вообще не рассматривалась, а «половой вопрос» выступал как вопрос регулирования сексуальной активности и анализа существующих «норм» — главным образом применительно к некоторым социальным группам (рабочие, студенчество, реже — в работах этнографов — жители деревни).

И все же само «открытие» на рубеже XIX—XX вв. существования в обществе «полового вопроса» как связанного с вопросом «женским» было, конечно, революционным.

Пятый этап: советский этакратический гендерный порядок и «забвение» женской сексуальности в советском официальном дискурсе

«Революция чувств» продолжалась и на волне событий 1917-го, и нескольких последующих лет. «Половой вопрос» оставался в центре бурных обсуждений, в которые постепенно втянулись не только юристы¹² и врачи (поскольку именно на них возложили ответственность за «физическое сохранение и укрепление расы» в условиях революционных преобразований брачных отношений) [23], но и социальные и идеологические работники, педагоги, чиновники и, конечно, «труженики слова» (журналисты, поэты, писатели) (см.: [4, 11]).

Многообразие взглядов участников дискуссий середины 1920-х гг. помещается между двумя полярными точками зрения.

Одна из них — сугубо классовая и аскетическая — принадлежала педологу и психоаналитику А. Б. Залкинд (он лечил от нервных расстройств партийных деятелей, отчего его прозвали «врачом партии»). В своем программном произведении «12 половых заповедей пролетариата» А. Б. Залкинд настаивал на необходимости подчинения брачной жизни людей строгому классовому контролю и объявлял половую жизнь «допустимой лишь в том ее содержании, которое способствует росту коллективистских чувств, классовой организованности... боевой готовности». «Класс, — заключал автор, — имеет право вмешиваться в половую жизнь своих членов» [14, с. 65; 15,

¹² См. дискуссию на страницах журнала «Еженедельник советской юстиции» за 1922—1925 гг., а также: [35, 36].

с. 252—253]. Если такого вмешательства не будет, продолжал мысль А. Б. Залкинда его сторонник, также педолог и детский психолог, то «пары, вступающие в содружество», могут оказаться «паразитически съедены половым пауком», и тогда они оторвутся «от своего коллектива и окружающей общестственности» [40, с. 82].

Другую точку зрения на брак нового типа защищала «чайка революции» — А. М. Коллонтай. «Какие только формы брачного и любовного общения не примеривает к себе человечество, — сетовала она, — а сексуальный кризис ни на йоту не смягчается. Такой пестроты брачных отношений еще не знавала история...» [17, с. 53]. А. М. Коллонтай полагала, что новые брачные отношения должны основываться на равенстве во взаимоотношениях партнеров, взаимном признании прав друг друга без попыток и претензий владеть безраздельно и до конца дней его/ее сердцем и, наконец, на взаимном умении прислушиваться и понимать работу души любимого человека. Ее концепция нового брака, изложенная в статье «Дорогу крылатому Эросу!», строилась на убеждении, что новое государство освободит женщину от «ига материнства» (так как возьмет на себя воспитание детей), а также от монотонной унылости домашней работы, а браки будут всегда основаны на любовной страсти и духовной общности [18, с. 110—111] (см. также: [25]).

Между тем освобождение людей от прежних культурных норм и связанных с ними ограничений имело последствия не только позитивные, но и определенно негативные. К ним относились такие проблемы, как дезорганизация семейно-брачных отношений, рост числа нежелательных беременностей и абортов, низкий уровень сексуального просвещения, распространение проституции и заболеваний, передающихся половым путем. Решить эти вопросы призвано было советское государство, раз и навсегда присвоившее себе право санкционировать (вместо церкви) заключение брачных уз и поспешившее узаконить свое право вмешиваться в частную жизнь граждан. Именно потому оно взяло на вооружение концепцию А. Б. Залкинда, а не А. М. Коллонтай.

Семейная сфера политизировалась, а в стране начал утверждаться *этакратический гендерный порядок*¹³, своеобразно трансформировавшийся из модернизированного (в буржуазную эпоху) патриархатного гендерного порядка. Общим лозунгом в вопросах семейно-брачных отношений (и, следовательно, регулирования сексуального поведения) стали слова «Быт неотделим от политики!». Не сумев справиться с возникшими в 20-е гг. проблемами цивилизованным путем, советская власть обратилась к репрессивным методам. В 1934 г. была рекриминализована однополая любовь, год спустя — запрещена коммерческая эротика, в 1936 г. — искусственные

¹³ Для этакратической стратификационной системы характерно: государственно-монополитический способ производства, постоянное углубление огосударствления, милитаризация экономики, сословно-слоевая стратификация иерархического типа, отсутствие гражданского общества, правового государства и наличие системы подданства, партократии [34, с. 260]. Термин «этакратический гендерный порядок» введен в статье Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной [16].

аборты, ограничена свобода развода. Женщина того времени превратилась в «мобилизованную труженицу», которой предписывалось отдавать все силы строительству нового общества. Ее эмоциональная связь с мужем насильственно разрушалась; экономическая же перспектива семьи была ничтожной в условиях разрушения частной собственности. Патерналистскую роль (роль символического отца) все более явно брало на себя государство. Оно активно пропагандировало образ советской женщины как «мобилизованной матери»: советская пресса старалась убедить женщин в государственной важности многодетности. В то же время воспитание детей переставало быть материнским: в городе абсолютное большинство их проводило дни в детских яслях, садах.

Ни о каких сексуальных потребностях женщин речь в 30—50-х гг. (эпоху сталинского тоталитарного режима) идти не могла. «Императив прокреации» [39, с. 85], действующий в стране победившего социализма, практически исключил производство контрацептивов, что повлекло за собой рост числа подпольных аборт, и как ни пытались их запрещать — особенно после Великой Отечественной войны, явление это уничтожить не удалось. Не удалось и достигнуть практических целей антисексуальной государственной политики — укрепления семьи и нравственности, повышения рождаемости. Об этом говорят статистические данные [6].

Официальные нормы, индоктринировавшие в умы десятилетиями, постепенно сформировали советскую семейно-сексуальную мораль — типическое, возможное и приемлемое поведение в сексуальной жизни. В рамках этой морали насильственно внедрялось представление о том, что общественные интересы — всегда выше личных, что «законный» (зарегистрированный) брак — предпочтительнее фактического, а единственный на всю жизнь — «правильнее», чем серийная моногамия. Долголетнее соперничество государства с семьей за преданность индивидов приводило к тому, что личные их интересы, особенно женские, постоянно прятались, вуалировались. Государство было заинтересовано в решении демографических проблем, а не в том, чтобы обеспечить действительное равенство возможностей мужчин и женщин, личностную самореализацию последних. Этим обосновывалась абсолютная легитимность вмешательства государства и «общественности» в интимную жизнь семей. Не случайно на всем протяжении послевоенной советской истории вопросы измен и разводов могли выноситься на общественное обсуждение (на парткомах, месткомах, общих собраниях трудовых коллективов).

И все же медленно продолжавшаяся в течение так называемого периода стагнации (с конца 50-х и до конца 80-х гг.) эрозия советской сексуальной морали обнаружила в сексуальном поведении советских людей те же особенности, которые были характерны для западных стран в послевоенное время. Среди них — снижение возраста сексуального дебюта, эмансипация сексуальной мотивации от матримониальной, рост числа до- и внебрачных рождений, а также разводов, инициированных женщинами, повышение интереса к эротике [20]. Среди явно запаздывавших (по сравнению с Западом) ментальных процессов оказалось в России признание сексуальных интересов и

потребностей женщин. В отличие от проблем мужской сексуальности и потенции, прямо связанной с репродуктивной активностью, фертильностью, числом детей, они не могли быть выведены на уровень государственной политики и потому особенно долго рассматривались как «незначимые». Об этом свидетельствуют «устные истории» женщин, живших в советскую эпоху, проанализированные российскими и финскими социологами [42, 37]. Эти устные автобиографии показывают, что поколение женщин, родившихся до войны, основная часть жизни которых падает на советское время, может по праву быть названо «поколением умолчания», для которого характерно сочетание репрессивного регулирования интимной сферы и социальной памяти сексуальных свобод.

Шестой этап: эрозия советского этакратического гендерного подряка и артикуляция вопроса о женской сексуальности в общественном дискурсе

Следующие за «поколением умолчания» поколения россиянок пережили опыт, соответствующий двум стадиям сексуальной революции. *Первая* — «поведенческая» революция позднесоветского времени, 1970-х гг. [3, 19], в процессе которой произошла персонализация интересов и распространились различные практики сексуальной свободы (частая смена партнеров, фактический брак, однополый брак, свободные разговоры о сексе и др.). При этом официальный дискурс о сексуальности оставался неизменным, о чем говорит и фраза, брошенная на одном из ранних «перестроечных» телемостов СССР—США («У нас секса нет!»). *Вторая* стадия (1990-е гг.) — «дискурсивная». Ее характеризуют дискурсивная либерализация, артикуляция вопросов сексуального поведения в официальной печати (в том числе таких тем, как сексуальное насилие, сексуальные домогательства, дискриминация и эксплуатация женской сексуальности), ослабление законодательного регулирования интимной сферы. Таким образом, демократизация и плюрализация форм социальной активности, коммерциализация сексуальности создали условия для развития разных, зачастую конкурирующих между собой форм общественной морали.

В настоящее время усиление социальной стратифицированности российского общества ведет к заметным различиям в сексуальных практиках разных социальных слоев. В российской провинции, где уровень жизни низок, зарплаты выплачиваются нерегулярно, а семья остается формой выживания, сексуальные отношения для женщин оказываются на периферии человеческих потребностей [49]. Иное дело — крупные города, являющие значительную вариативность женского сексуального поведения и оценок значимости сексуальной составляющей для женщин из разных социальных слоев [31, 24]. Чем к более успешному и благополучному социальному слою принадлежат информантки, тем менее ограничены их сексуальные стратегии культурными и структурными барьерами прошлого и современности, тем большее значение придают они сексуальной составляющей в своей частной жизни.

В настоящее время исследование исторически изменчивого содержания понятия женской сексуальности освобождается от веками существовавших запретов на публичную артикуляцию этой темы. Оно востребовано постепенно

проникающим в нашу страну (на волне новой вестернизации) культом здорового тела и образа жизни, расширением возрастных рамок сексуальной активности, ослаблением поляризованности гендерных различий, выдвиганием на передний план не коллективистских задач («жила бы страна родная — и нету других забот»), но задач субъективного благополучия.

Библиографический список

1. *Андреева Е.* All we need is love, или Формы отечественного эротического сознания // Искусство Ленинграда. 1991. № 4.
2. *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви (1907) // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
3. *Бочарова Е. А.* Сексуальная свобода: Слова и дела // Человек. 1994. № 5.
4. Брак и семья: Сб. ст. и материалов. М.; Л., 1926.
5. *Вербницкая А.* Ключи счастья. СПб., 1913.
6. *Воронина О. А.* Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993.
7. *Герасимова Е.* Вербализация сексуальности: разговоры о сексе с партнерами // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Отв. ред. В. Воронков, Е. Здравомыслова. СПб., 1997.
8. *Гидденс Э. М.* Фуко о сексуальности // Социология сексуальности. СПб., 1997.
9. *Гиппиус З.* Влюбленность. О любви. О женах // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
10. *Голофаст В.* Три слоя биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Отв. ред. В. Воронков, Е. Здравомыслова. СПб., 1997.
11. *Домбровский Е. И.* Дискуссия о браке и семье // Революционная законность. 1926. № 9/10.
12. *Жеребкина И. А.* Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России // Гендерные исследования. 1998. № 1.
13. *Жеребкина И. А.* Между желанием и наслаждением: женская сексуальность в русской культуре на рубеже XIX—XX вв. // В поисках сексуальности / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2002.
14. *Залкинд А. Б.* Революция и молодежь. М., 1924.
15. *Залкинд А. Б.* Половой вопрос. М., 1930.
16. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Этакратический брачный порядок // Социальная история, 2003. М., 2003.
17. *Коллонтай А. М.* Новая мораль и рабочий класс. М., 1919.
18. *Коллонтай А. М.* Дорогу крылатому Эросу!: (Письмо трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3.
19. *Кон И. С.* Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997.
20. *Кон И. С.* Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2002.
21. *Михайловский Н. К.* Борьба за индивидуальность: (Социологический очерк) // Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1.
22. *Нагродская Е.* Гнев Диониса. СПб., 1914.
23. *Преображенский Е. А.* О морали и классовых нормах. М.; Л., 1923.
24. *Прокопенко Ю.* Секс и инвалидность // Сексолог. 2001. <http://www.doctor.ru/sexolog/STA/st45.htm>

25. *Пушкарёв А. М.* А. М. Коллонтай и проблема «новой половой морали»: (Обзор российских и зарубежных исследований) // А. М. Коллонтай: феминистка и революционерка / Под ред. В. И. Успенской. Тверь, 2002.
26. *Пушкарёва Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.
27. *Пушкарёва Н. Л.* Между «великим грехом» и «удовольствием»: интимная жизнь женщины в Старой Руси // Социум. 1995. № 6(49).
28. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальная этика в частной жизни древних руссов и москвитов X—XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.
29. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница. М., 1997.
30. *Пушкарёва Н. Л.* Мир чувств русской дворянки: сексуальная сфера // Человек в кругу близких: Очерки истории частной жизни до начала Нового времени / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1999.
31. *Пушкарёва Е. К.* Подростковая компания городской окраины: сексуальные отношения в тусовке // В поисках сексуальности / Под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб., 2002.
32. *Пушкарёва Н. Л.* Теремное затворничество // Словарь гендерных терминов. М., 2002.
33. *Пушкарёва Н. Л.* «Мед и млеко под языком твоим...»: (Мужской и женский рот в памятниках XII—XIX вв.) // Этнографическое обозрение. 2004. № 2.
34. *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996.
35. *Роговин В. З.* Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х гг. // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4.
36. *Роговин В. З.* Вопросы семьи и положения женщины в советской социологии 20-х гг. // Динамика изменений положения женщины и семья. М., 1972.
37. *Роткирх А.* Сексуальные биографии женщин двух поколений: Первая попытка сравнения России и Финляндии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб., 1997.
38. *Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000.
39. *Сиксу Х.* Хохот медузы // Гендерные исследования. 1999. № 3.
40. *Сорохтин Г. Н.* Половое воспитание детей в плане марксистской педагогики // Половой вопрос в школе и в жизни / Под ред. И. С. Симонова. Л., 1927.
41. *Суковатая В. А.* Женщина в религиозной истории и феминистская теология // Женщины в истории. Возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Минск, 2002. Вып. 2.
42. *Темкина А.* Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: Опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради / Под ред. А. А. Клецина. СПб., 1999. Вып. 2.
43. *Темкина А. А.* Сценарии сексуальности и сексуальное удовольствие в автобиографиях современных российских женщин // Гендерные исследования. 1999. № 3.
44. *Тишкин Г. А.* Женский вопрос и правительственная политика 60—70-х гг. XIX в. // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983.
45. *Трофимов А.* Святые жены Руси. М., 1993.
46. *Федоров Н. Ф.* Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах восстановления

- родства: (Записки от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 1.
47. Фольклорные памятники конца XVII—XVIII в. // «А се грехи...» / Под ред. Н. Л. Пушкаревой. М., 1999.
48. *Энгельстайн Л.* Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX вв. М., 1996.
49. *Ярошенко С.* Бедные в социальной стратификации постсоветского общества // Рубеж. 1998. № 12.

50. *Blee K. M., Billings D. B.* Reconstructing Daily Life in the Past: An Hermeneutical Approach to Ethnographic Data // *Sociological Quarterly*. 1986. № 27.
51. *Braidotti R.* Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy. New York, 1991.
52. *Burkin D.* Laid out in Lavender: Perceptions of Lesbian Love in Russian Literature and Criticism of the Silver Age, 1893—1917 // *Sexuality and the Body in Russian Culture* / Ed. by J. Costlow, S. Sandler, J. Vowles. Stanford, 1993.
53. *Charlotte C.* You Make and Make Again: Feminist Ritual Theology. New York, 1993.
54. *Daly M.* Gyn/Ecology. Boston, 1986.
55. *Ehrenreich B., English D.* Witches, Midwives, and Nurses: A History of Women Healers. New York, 1973.
56. *Foucault M.* The History of Sexuality: Introduction. London, 1990.
57. *Gagnon J. H., Simon W.* Sexual Conduct. Aldine, 1973.
58. *Heldt B.* Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington, 1987.
59. *Pushkareva N.* Women in Russian History from the 10th to the 20th Century. New York, 1997.
60. *Pushkareva N.* Women in Russian History from the 10th to the 20th Century. London, 1999.
61. *Weeks J.* History, Desire, and Identities // *Conceiving Sexuality: Approaches to Sex Research in a Postmodern World* / Ed. by R. Parker, J. Gagnon. New York; London, 1995.